

Дети тяжёлой войны. Им и не грезилось, что пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет спустя их будут разыскивать дети уже других поколений для того, чтобы узнать, как им жилось тогда, потому что без вчера нет ни сегодня, ни завтра. Память – наша история. Сегодня мы публикуем трогательную, щемящую душу историю, написанную учеником Ильинской средней общеобразовательной школы Григорием Сычёвым. Вернее сказать, ту часть исследований о Великой Отечественной войне, где он касается детей блокадного Ленинграда.

18 июля 1941 года первые вражеские бомбы обрушились на дома и улицы Ленинграда. 4 сентября был первый артобстрел. 8 сентября вокруг Ленинграда замкнулось кольцо

блокады. В Ярославскую область были эвакуированы 122 тысячи детей, их развозили по городам, деревням области.

Выдержки из писем бывшей воспитанницы Ильинского дет-ского дома № 88:

«...Я, Герасимова (Густерина) Кира Владимировна, бывшая воспитанница детского дома № 88, хочу рассказать вам не-много о себе. Я родилась в 1929 году в Ленинграде. У меня уже была 4-летняя сестра. В школе я училась хорошо, была пример-ной пионеркой. На лето 1941 года меня собирались отправить в пионерский лагерь «Артек», но началась война.

С 8 сентября 1941 года нача-лась блокада Ленинграда. В свои двенадцать лет во время блока-ды я состояла в группе МПВО при доме. В мои обязанности входило: дежурство у парадной (следить за светомаскировкой, при тревоге загонять людей в бомбоубежище), дежурство на крышах (тушение зажигатель-ных бомб). В сентябре 1941 года в результате авиационного налёта и возникшего пожа-ра сгорели продовольственные склады имени А.Е. Бадаева. С 1 октября были введены продо-вольственные карточки. В горо-де начался голод. Люди сильно ослабли, не вставали с постели, многие умирали прямо на улице. Прикованными к постелям ока-зались сестра, мама и бабушка. Я одна могла ходить. Ходила в магазин, за водой, за дровами. В марте 1942 года умерли сестра и бабушка.

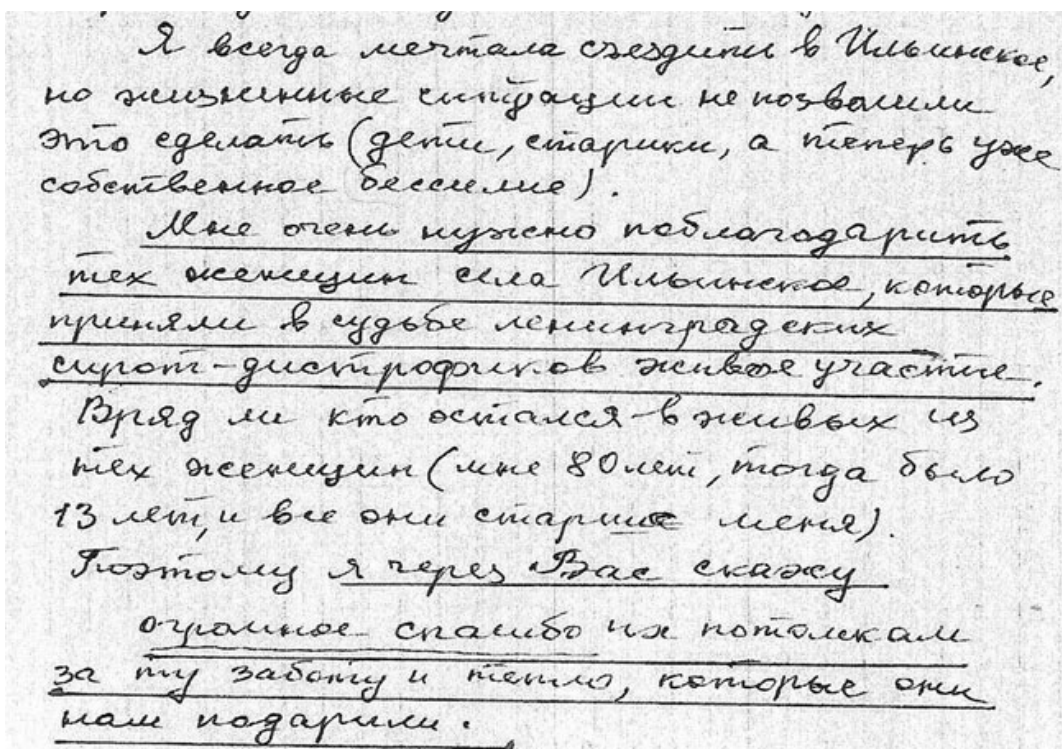
Весной 1942 года в Ленинграде стали открываться стацио-нары, где очень ослабленных людей кормили побольше, поили отваром из сосновых игл от цин-ги. И вот, когда 15 апреля 1942 года пустили трамвай, я стала ездить в ближайшую больницу, чтобы поместить туда маму.

Наконец мне сказали: «Приноси-те». Мы с соседкой на носилках принесли маму в больницу. Я оставила её в приёмном покое 1 мая 1942 года и ушла, а через три часа после моего ухода она умерла. Чувствуя, что силы меня покидают, в июле 1942 года я пошла в детский дом. На сле-дующий день нас эвакуировали.

По «дороге жизни» ребят должны были переправить на большую землю. Нас поместили в маленькие катера и повезли на восточный берег Ладожского озера. Несмотря на то, что катера сопровождали советские истребители, немцы всё равно нас бомбили.

Нас – 125 заморышей и не-сколько воспитателей привезли в Ярославскую область. 3 августа 1942 – года на телегах из Углича в Ильинское. Первым делом нас накормили. Уже было приготовлено угощение: молоко с хлебом. Нам предоставили сельскую столовую (потом нас стали кормить на первом этаже нашего дома). Ваши женщины стояли в сторонке и плакали, глядя, как маленькие «скелетики» на-бросились на еду. Для нас были сделаны деревянные топчаны – кровати, сшиты матрацы, набитые соломой.

Нас отмыли в бане, хотя по-том мы еще долго не могли изба-виться от вшей. В этот же день мы устроили набег на огород за нашим домом (как оказалось, на-ших будущих учителей, которые нас за это простили и никогда не напоминали). «Ребята, там морковь!», – это орала я. Вы-драли всё: лук, морковь, сырую картошку, свёклу. Добычу мы принесли в палату и поделились с остальными ребятами. Ведь часть детей совсем не могла хо-дить от слабости. Ужасу наших воспитателей не было предела!

Я всегда мечтаю съездить в Ильинское, но жизненные обстоятельства не позволяют это сделать (дети, старики, а теперь уже собственное бессилие).

Мне очень нужно поблагодарить тех женщин села Ильинское, которые приняли в судьбе ленинградских сирот-дистрофиков живое участие.

Вряд ли кто остался в живых из тех женщин (мне 80 лет, тогда было 13 лет, и все они старше меня).

Поэтому я через Юзе скажу оградное спасибо их поташкам за ту заботу и тепло, которые они нам подарили.

В первые дни приезда в Ильин-ское председатель колхоза – мужчина повёл нас в поле под-бирать колоски. Мы стояли, теребили колоски и клали в рот божественные зерна. И никто нас за это не ругал. В других местах за такое наказывали.

Приносили из лесу волоком сухие деревья. Так мы заготови-ли дрова на зиму. Распилили и раскололи сами, инструменты подарили колхозники. Весной колхоз нам выделил землю, там мы посадили капусту и ходили её поливать. Дали коня по име-ни Мальчик, корову. Молоко от этой коровы шло больным и са-мым слабым. Наша повар, тетя Нюра Полукайнен, заболевшим детям делала вкусное угощение: картофельное пюре с молоком, запекала в духовке, до коричне-вой аппетитной корочки. И все мы мечтали заболеть, чтобы получить такую вкуснятину. Все время хотелось есть. Выходя из-за стола, говорили: «Скорей бы обед» или «Скорей бы ужин», то есть следующая еда. Ино-гда кого-нибудь из нас местные женщины приглашали к себе в дом, чтобы покормить. Я ходи-ла в деревню к Вале Тихоновой. Там меня угощали картошкой с молоком, чаем с сушёной мор-ковкой. В Ильинском я впервые увидела русскую печь, прялку.

Очень хотелось, чтобы наше жильё было похоже на дом, и мы старались обустроить его. Нам хотелось отмечать праздники: Новый год, 1 Мая, 7 ноября, дни рождения. Мы сшили матерчатые мешочки и делали «накопления». На за-втрак и ужин давали по чайной ложке сахарного песка. Так вот, мы этот песок складывали в ме-шочек, а в праздник устраивали себе «шик». С деревенскими про-изводили товарообмен: шесть чайных ложек сахара стоили одно яйцо. Им хорошо – и нам благо. Они же сахара не имели, пили чай с сушёной морковкой. Из яиц и песка делали гоголь-моголь. Меня просили взбивать. За это мне разрешали облизать ложку, заработала же!

Летом и осенью мы работали в колхозе. Пололи лён, затем его теребили (вырывали из земли), околачивали, норма была 400 снопиков. За работу колхоз давал нам овощи.

Но основным нашим трудом была учёба. У нас не было ни учебников, ни тетрадей, ни ручек. Тетради мы сшивали из серой грубой обёрточной бумаги, где попадались вкрапления чуть ли ни в четверть спички, ино-гда делали тетради из старых газет. Когда нам Анна Тимофе-евна (наш директор) привезла из Ярославля железные пёрышки, мы нарезали себе ручек из веток малинника (там мягкая сердце-вина, и перо легко вставлялось).

Одежды не хватало. У нас на двоих с Тamarой Ефимовой было одно пальто из зелёной хлопчатобумажной ткани. Одни ботинки. Часть детей переходила из жилого помещения через дорогу в школу, а оставшимся потом кто-нибудь приносил обувь и пальто, чтобы и они пошли в школу к тем, которые уже перешли. В 6-м классе нас, детдомовских, училось пятеро.

В 1943 году мы решили вступить в комсомол, заменить погибших, в частности, Зою Космодемьянскую. Нас шесть человек, не помню кто, отправились в Углич фотографироваться и получать билеты. В 1944 году из детского дома меня взяла тётя и привезла в Калининскую область в посёлок Редкино. Там я окончила школу.

После войны поступила в Ленинградский политехнический институт. По окончании института работала на шинном заводе сменным мастером, потом в ЛФНИИРП старшим научным сотрудником, участвовала в разработке деталей для космических кораблей, конструктором в Центральном котлотурбинном институте. Спроектировали коллективом оборудование для завода «Атоммаш», который должен был строить оборудование для атомных электростанций. Из ЦКТИ в 1986 году ушла на пенсию. В 2008 году переехала в Москву к дочери. В Ленинграде остался сын».

.....
.....

«Мне очень нужно поблагодарить тех женщин села Ильинского, которые приняли в судьбе ленинградских сирот-дистрофиков живое участие. Вряд ли кто остался жив из тех женщин (мне 80 лет, тогда было 13, и все они старше меня). Поэтому я через вас скажу огромное спасибо их потомкам за ту заботу и тепло, которые они нам подарили».

Из письма К.В. Густериной от 10 февраля 2009 года в Ильинскую школу.

.....
.....

27 февраля – в день снятия блокады Ленинграда – в селе Ильинском тоже будут вспоминать блокадников. Двоих из 88-го Детского дома похоронили на местном кладбище, не смогли тогда, в военные годы, сберечь. Печальная весть пришла недавно и из Москвы. Не стало Киры Владимировны Густериной.

«Угличанин» №3 (456) от 27.01.2016 года

{jcomments on}{loadposition yandex-кнопка}